

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГУГО ФОН
ФРАЙТАГ-
ЛОРИНГХОВЕН

Полководческое
искусство

Издательство АСТ
Москва

УДК 355.4
ББК 68
Ф82

Все права защищены.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Фрайтаг-Лорингховен, Гуго, фон.

Ф82 Полководческое искусство / Г. фон Фрайтаг-Лорингховен;
пер. с нем. Л.В. Ланника. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
416 с. — (Библиотека военной и исторической литературы).

ISBN 978-5-17-096036-1

Военный писатель, публицист, преподаватель и прусский генерал от инфантерии барон Гуго Фридрих Филипп Иоганн фон Фрайтаг-Лорингховен (1855–1924) в начале XX в. считался одним из ведущих германских военных мыслителей, причем не только по историческим проблемам, но и по актуальным вопросам военного строительства. Его труд «Полководческое искусство» стал итогом всей военно-исторической деятельности автора и своего рода энциклопедией военного дела XVIII – начала XX в.

В книге подробно описывается развитие оперативного и тактического искусства вплоть до начала XX в., даны сравнительные характеристики военных кампаний (Наполеоновские войны и Отечественная война 1812 г., Франко-прусская война 1870-1871 гг., Русско-японская война 1904-1905 гг., Первая мировая (Великая) война).

Рукопись впервые переведена на русский язык и снабжена комментариями специалиста по военной истории. Текст дополнен оригинальными картами, дающими визуальное представление о ходе описываемых кампаний.

УДК 355.4
ББК 68

ISBN 978-5-17-096036-1 © Ланник Л.В., предисловие, перевод, комментарии,
2019
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Военный писатель, публицист, преподаватель и прусский генерал от инфантерии барон Гуго Фридрих Филипп Иоганн фон Фрайтаг-Лорингховен родился 20 мая 1855 г. в Копенгагене, где его отец, Карл Готтлоб фон Фрайтаг-Лорингховен, служил генеральным консулом Российской империи. Он был из старинной аристократической фамилии потомственных военных, происходившей из Вестфалии, но потом расселившейся по разным немецкоязычным странам. Ее ветвь с XIV в. обосновалась и в принадлежавшей тогда Немецкому ордену Прибалтике, как в Эстляндии, так и в Лифляндии и на Моонзундских островах. С XVIII в., в основном после Ништадтского мира 1721 г., Фрейтаг фон Лорингофены (как это писалось в тогдашней транскрипции) стали служить Российской империи. Отец автора этой книги за свою долгую жизнь (он умер в 1882 г.) сумел выйти в тайные советники и заслужить пожалование ему в 1878 г. баронского титула с гербом, где красовался девиз «Fidelis usque ad mortem», то есть «верен до самой смерти», так что его потомкам, казалось бы, жаловаться на жизнь под скипетром русского царя не приходилось. Третий сын Карла и уроженки Бремена Матильды Гуго по семейной традиции поступил на военную службу в ка-

валерию российской армии, однако вскоре сменил подданство. Как и многие балтийские немцы, под впечатлением от начавшейся при Александре III русификации Прибалтийского края и еще более в связи с энтузиазмом, охватившим весь немецкий мир после создания Второй империи в 1871 г., его род решил перебраться на историческую родину. При этом знания и опыт, полученные в России, неоднократно пригодились его представителям на новом месте. Представители рода Фрайтагов еще проявят себя в самых разных сферах общественно-политической жизни Германии, переезжая туда в течение всей 1-й половины XX в. А вот семья автора этой книги значительно раньше избрала Германию, переехав в романтический Веймар. Вскоре Гуго, фактически не теряя времени, продолжил военную карьеру в кайзеровской армии. Постепенно все потомки барона Карла фон Фрайтаг-Лорингховена собрались в Веймаре, сразу же породнившись с местной знатью и получив значительные связи в высшем свете и военных кругах.

Молодой офицер отучился в Военной академии, был причислен к Генеральному штабу, а к началу Первой мировой войны дослужился до генерал-лейтенанта, командуя 22-й пехотной дивизией. В итоге Фрайтаг стал бы вполне типичным представителем германской военной элиты: служака, образцовый семьянин (4 детей), безусловно преданный монарху консерватор и националист. Однако было то, что выделяло его из общей массы офицеров, даже генштабистов, хотя вряд ли можно назвать его уникалом. Новый подданный Германской империи оказался страстным любителем военной истории. Уже в 1890-х гг. стали выходить его труды по различным проблемам истории тех или иных кампаний, по теории и актуальным вопросам современного военного дела. На фоне истых пруссаков ему только прибавляло объективности то, что ни по возрасту, ни по происхождению принять личное участие в войнах за объединение Германии он не успел, поэтому ши-

роко распространенной «мании Седана»¹ был подвержен менее других. Помогало прослыть специалистом и знакомство с военной историей других стран, интерес к самым различным кампаниям и зарубежным армиям. Это содействовало его высокой репутации среди генштабистов, поэтому с началом войны фон Фрайтаг-Лорингховен был назначен генерал-квартирмейстером Ставки, став одной из важнейших, хотя и не самой заметной фигурой в германском Верховном главкомандовании.

Генерал-квартирмейстер ранее отвечал за все вопросы снабжения и размещения войск, однако в условиях маневренной войны и миллионных армий его мнение стало одним из определяющих в планировании операций. Зачастую хозяйственные вопросы приходилось поручать подчиненным инстанциям, а генерал-квартирмейстер оказывался вовлечен в самую что ни на есть полководческую деятельность. Именно поэтому с 1916 г. в германской Ставке появился еще и особый первый генерал-квартирмейстер (им стал Э. Людендорф), приравненный к начальнику Генерального штаба Действующей армии, то есть фактически к Главкомандующему. На деле же именно 1-й генерал-квартирмейстер потом и стал истинным хозяином в Ставке при номинальном главенстве начальника Генштаба и еще более номинальном главкомандовании кайзера. Фрайтаг-Лорингховен, уважаемый в военных кругах специалист, о таких высотах и не помышлял. Его уделом оставались советы, рутина тылового обеспечения и... научно-публицистическая деятельность. В ходе первых лет Великой войны пожилой (в 1915 г. ему исполнилось 60) Г. фон Фрайтаг-Ло-

¹ После капитуляции французской армии под Седаном 2 сентября 1870 г. именно этот день стал главным национальным праздником в Германской империи. В военных кругах принято было считать действия германской армии и особенно командования непревзойденным образцом военного гения.

рингховен проявил достаточно ума, чтобы избегать активного участия в грандиозных скандалах между германской Ставкой во главе с Фалькенгайном и рвущейся к власти связкой Гинденбург–Людендорф. Один из выдающихся военных специалистов и впоследствии последний фактический главнокомандующий германской армией в Великой войне В. Грёнер возмущался: «В этом “суде инквизиции”... милейший глухой Фрайтаг сидит там, да ничего не слышит... Но тут Людендорф воззвал к помощи Фрайтага, на что тот пробормотал, что он нам не полицейский»². При этом сам Фрайтаг еще в январе 1915 г. своего мнения о будущих военных диктаторах Германии не скрывал: Людендорф был будто бы «победный хвостун», а П. фон Гинденбурга, который вел у него занятия в Военной академии, он называл «весьма посредственным преподавателем». Фрайтаг в 1916 г. несколько месяцев командовал 17-й резервной дивизией, принявшей участие в тяжелейшей битве на Сомме. Однако пока его коллеги получали военный *Pour le Merite* — знаменитого «Голубого Макса» — за подвиги их солдат, он удостоился «гражданской» разновидности этого высшего ордена как выдающийся писатель, ведь это ремесло он не оставил и в годы войны. При этом собственно боевой награды барон не получил, так как на фронтах отличиться не довелось. В 1918 г. Фрайтаг даже стал членом эрфуртской Академии общепользных наук. Тогда же он стал почетным доктором (*honoris causa*) в одном из германских университетов, что в данном случае было не уважением к боевым заслугам генерала, как это случилось в отношении некоторых его коллег, а действительным признанием со стороны ученого сообщества.

Именно он фактически стоял у истоков формирования официальной германской военной историографии, хотя

² Запись в дневнике Гренера от 4 декабря 1915 г.: Groener W. *Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkeireg.* Göttingen, 1957. S. 545.

вплоть до окончания Великой войны его труды по тону были ближе к пропаганде, нежели к науке. Пиком карьеры Гуго фон Фрайтаг-Лорингховена стало звание генерала от инфантерии весной 1918 г. и должность начальника Генерального штаба, точнее тех его отделов, которые не вошли в Ставку Главнокомандующего, оставшись в Берлине. Такой вариант мог только устраивать барона, ведь после смены главы 2-го ОХЛ Фалькенгайна на знаменитый в последующей истории Германии дуэт Гинденбург — Людендорф в конце августа 1916 г. в его советах в Ставке более не нуждались. С крахом Германской империи и сокращением ее армии после Версальского мира барон, наконец, смог выйти в отставку и сосредоточиться исключительно на научно-публицистической работе. На старости лет утешением ему служил лишь его младший сын Арндт, также воевавший и получивший погоны капитана резерва. Двое старших сыновей, предсказуемо избравшие карьеру военного, умерли раньше отца. Средний, Ганс, был одним из пионеров германской военной авиации и разбился в 1911 г.; старший, дослужившись лишь до лейтенанта и побывав мужем скандально известной «баронессы дадаизма»³, умер весной 1919 г. Дочь, Ирина, тоже была не особенно счастлива в личной жизни. Барон Гуго фон Фрайтаг-Лорингховен с головой ушел в научную работу. За рубежом достаточно быстро последовали переводы его работ о только что закончившейся Великой войне⁴, ведь Фрайтага считали одним из ведущих германских военных мыслителей, причем не только по историческим проблемам, но и по актуальным вопросам военного строительства. В сентябре 1920 г. он стал сотрудником Рейхсархива, где

³ Эльза фон Фрейтаг-Лорингховен (урожд. Эльза Хильдегард Плётц, 1874–1927) — немецкая художница и скульптор, относящаяся к движению дадаистов.

⁴ В самой Германии его «Выводы из мировой войны» вышли еще в разгар войны, в 1917 г.

проигравшие в Великой войне писали ее историю, сняв погоны, но не перестав от этого быть кадровыми германскими офицерами. Его последняя книга, «Душа армии», вышла в 1923 г., но он продолжал работу почти до самой смерти 19 октября 1924 г. Последней радостью в его жизни, всего за 9 дней до кончины, стало рождение третьего внука. Общее собрание его трудов вышло в Германии тогда же, в 1924 г.

До сих пор многочисленное наследие автора популярностью у переводчиков на русский не пользовалось, хотя в 1923 г. весьма важный для усвоения уроков Первой мировой войны труд был все же издан в СССР, пусть и в характерной для советских военных изданий того времени сокращенной манере⁵. Данный труд можно считать итогом всей военно-исторической деятельности автора. Фрайтаг фактически дописал и дополнил материалом недавно окончившейся Великой войны свои исследования по полководческому искусству предыдущих столетий⁶, еще до войны принесшие ему заслуженную славу одного из ведущих специалистов в этой отрасли военной науки.

Необходимость сохранить ауру первоисточника побудила при переводе по возможности оставить географические названия в той форме, которую использует автор, чтобы не создавать ложного впечатления у читателя. В целом ряде случаев сохранение названий имеет принципиальный характер. Например, если бы Фрайтаг действительно хотел соблюсти точность, то в 1921 г. в оригинале он вполне мог бы писать

⁵ Фрейтаг-Лорингофен Г.Ф. Выводы из мировой войны / Пер. с 20-го нем. изд. под ред. Е.И. Мартынова. М., 1923

⁶ Например, 470-страничный труд о полководческом искусстве Наполеона: *Freitag-Loringhoven H. Frh. v. Die Heerführung Napoleons in ihrer Bedeutung für unsere Zeit.* Berlin, 1910. В итоге его труды были посмертно изданы в виде многотомника см.: *Die Führung in den neuesten Kriegen: Operatives und Taktisches / von Frh. v. Freitag-Loringhoven.* Berlin, 1924.

«Львов», а не «Лемберг», однако для него это значило бы дополнительно выразить согласие на произошедший развал империй и раздел Центральных держав по итогам Великой войны, а потому вряд ли стоит нарушать стройный тон повествования германского генерала почти автоматической заменой на славянский вариант названия столицы королевства Галиции и Лодомерии. Еще более немислимым, но вполне логичным следствием этого оказалась бы замена в повествовании Кёнигсберга на Калининград. Сравнительно трудно порой согласовать различные устоявшиеся в национальных историографиях названия сражений, а особые сложности начинаются при передаче в разных языках топонимов Дальнего Востока, в большинстве своем в равной степени искажающих оригинал до неузнаваемости. Поэтому для удобства читателя в конце книги приведен список географических названий.

Даже с транскрипцией фамилии автора на русский язык существуют определенные тонкости. Остзейская ветвь рода, многие поколения которой находились на российской службе, писалась на русском, стремясь по тогдашним нормам к максимально точной транслитерации — «Фрейтаг-Лорингховен». Поэтому в трудах военных специалистов начала и середины XX в. следовали именно такой традиции. Однако, с появлением новых правил транскрипции, где приоритет (порой даже чересчур) отдается передаче фонетики слова, применительно к представителям той же фамилии, теперь уже исключительно из самой Германии, стали пользоваться вариантом «Фрайтаг-Лорингофен», что создает трудности для тех, кто не знаком с немецким правописанием. Учитывая, что прославились и другие представители этого рода — в дипломатии, как борцы с нацизмом, в живописи, спорте и т.д. — единой устоявшейся традиции теперь не существует вовсе. Скажем, бывшая невестка автора этой книги, ставшая на пике популярности

иконой дадаизма, пишется по-русски неизменно так: Эльза фон Фрейтаг-Лорингховен.

При всем уважении к сложившейся десятилетия назад традиции не стоит слепо следовать ей и теперь: ведь сейчас вряд ли кто-либо станет называть Дидро «Дидеротом», однако и игнорировать ее, пытаясь любой ценой ввести новые нормы, также было бы предосудительно, а потому в России по-прежнему Фрейд, а не «Фройд», Гесс, а не «Хесс» и т.д. Поскольку автором данной книги был представитель баронского рода, находившийся на германской, а не на российской службе, пусть и рожденный в Остзейских провинциях, то был избран вариант «Фрайтаг-Лорингховен».

В данном издании стремились максимально сохранить не только аутентичность выражений автора, хотя и с оттенком стиля 100-летней давности, но и приводимый им научно-справочный аппарат, который по меркам современного научного исследования оставляет желать много лучшего, являясь лишь своего рода брошенными на ходу указаниями читателю, где была взята та или иная цитата, но отнюдь не системно оформленной ссылкой на используемые работы. Разумеется, было бы вполне возможно перевести и дополнить эти ссылки, для удобства русскоязычного читателя привлекая уже русские издания (насколько они существуют) упоминаемых работ, однако это означало бы создать иллюзию куда большей дотошности автора, а это исказило бы впечатление о нем самом и его труде. При этом вряд ли возможно будет упрекнуть господина барона в небрежности в цитатах или попытках дезинформации: как показала сверка цитат с используемыми текстами, он вполне добросовестен. Конечно, сказывалось то, что Фрайтаг все же в первую очередь офицер, до некоторой степени публицист, но без соответствующей академической подготовки. Будучи профессиональным военным, значения научно-справочному аппарату он мог и не придавать, а также не иметь соответствующего опыта, даже при

наличии у Фрайтаг-Лорингховена определенных заслуг на литературном и научном поприще.

Научный аппарат книги, (оригинал которой не снабжен соответствующим списком литературы, словно сокращенные ссылки автора и так понятны читателю по принципу *sarienti sat*), а также используемая им фактология дают достаточно полное представление и о кругозоре германских и вообще европейских военных специалистов первой четверти XX в. Так, например, автор, достаточно подробно описывая период середины и конца XVIII в. в военной теории и практике, ссылаясь на труды о кампаниях 2-й антифранцузской коалиции в Италии и Швейцарии, ни словом не упоминает о А.В. Суворове. Причем не только как о теоретике, но и как о выдающемся боевом генерале, что вряд ли можно было бы списать на недооценку его побед над турками, ведь о разгроме Суворовым целой плеяды французских полководцев в ходе Итальянской кампании бывший офицер Русской императорской армии барон фон Фрайтаг не мог не знать. Да и дифирамбы в адрес Фридриха Великого и прусской армии смотрелись бы несколько иначе, если бы наряду с признанием отдельных положительных сторон австрийских войск была бы по достоинству оценена русская армия, если не за Гросс-Егерсдорф, то уж безусловно за битву при Кунерсдорфе 1759 г. Даже кровопролитное сражение при Цорндорфе 1758 г., которое в России полагают едва ли не победой русского оружия, — притом совершенно незаслуженно — и то осталось за пределами внимания автора, видимо, из-за отсутствия достаточных поводов для гордости за действия пруссаков.

Взгляды автора в одном из специальных исследований, как видится, достаточно верно охарактеризовали как «неоклаузевицеанство»⁷. При вообще большом значении

⁷ *Echevarria A.J.* Neo-Clausewitzianism: Freytag-Loringhoven and the militarization of Clausewitz in German military literature before the First World War. Princeton, 1998.

К. фон Клаузевица для германской военной мысли Фрайтаг-Лорингховен отдает ему даже слишком заметное предпочтение по сравнению с прочими авторитетами из числа военных теоретиков и практиков. Он столь последователен и характерно назидателен в своих выводах, что повторяет одни и те же фразы, полагаемые им афоризмами великих полководцев, фактически ставших для него аксиомами. Неизбежные повторения вызваны, конечно, и тем, что этот труд является сводом результатов его многолетней деятельности, а потому отдельные главы столь часто пересекаются между собой по излагаемому материалу. Этот недостаток сам автор, при сведении воедино своих работ, устранил по-видимому лишь выборочно, а, возможно, посчитал, что при частично дидактических целях его труда лишний раз повторить не вредно и вовсе.

Пафос его выводов зачастую сводится к тому, чтобы отстоять наличие преемственности во взглядах избранных им в качестве действительно познавших суть войны полководцев. Он постоянно борется с попытками приписать ту или иную конкретную манеру каждому из них, да еще и на этом основании не просто сравнивать, а и противопоставлять их друг другу. Фрайтаг с истинно немецким упорством показывает, что не следует выстраивать стереотипы о манере действий Фридриха Великого, Наполеона и т.д., как это делают другие: заранее объясняя и подгоняя под них любые их кампании. Он дает блестящий пример опровержения предубежденности за счет учета субъективных факторов и даже своего рода источниковедческого анализа. Возможно, в этом можно усмотреть некую нарочитость, а то и передержки самого автора, борющегося против фарисейского отношения к той или иной методике, но при этом раз за разом подталкивающего к мысли о наличии неких единых принципов полководческого искусства, к которым рано или поздно приходили или интуитивно ими владели все те, кого он постоянно приводит в пример.

При притязаниях на беспристрастный и притом сравнительный анализ событий более чем полуторавекового отрезка времени весьма пожилого автора, действительно имевшего возможность взглянуть на события сразу нескольких эпох если не как свидетель, то как достаточно близкий к ним современник, следует все же учитывать обстоятельства написания и опубликования труда. Вышедшая в 1920 г. работа просто не могла не нести на себе подавляющий все предшествующее отпечаток Великой войны, а потому в тексте эпитет «Мировая» не сопровождается указанием «Первая», ведь для Фрайтаг-Лорингховена, даже при почтенном его возрасте, громадная схватка 1914–1918 гг. не могла быть всего лишь одной из войн. Еще в годы войны в большинстве европейских стран под впечатлением от масштабов за этой войной закрепилось название «Великая», сохраняющееся и по сей день, особенно в Великобритании и Франции. Вплоть до Второй мировой не менее популярно оно было и в Германии. В России же этот конфликт пытались изгнать из исторической памяти населения, поэтому эпитет «Великая» возвращен этой войне лишь частично и с опозданием на 100 лет.

Это сказалось и на трактовке некоторых событий Великой войны, ведь при всех попытках сохранять аналитический тон, автор все же не смог (а то и не захотел, полагая свою миссию в том числе пропагандистской) удержаться от достаточно экспрессивных выражений, которые всегда приводят к существенным искажениям общей картины обстановки. Нет сомнений в том, что, например, сами англичане вряд ли полагают, что после боев под Монсом и Ле-Като 22-23 августа 1914 г. они именно «бежали». Национальный акцент в отображении столь эмоционально окрашенных тем, разумеется, неизбежен, однако он плохо совместим с необходимой для анализа точностью оценок и предположений. Особенно, — что, впрочем, естественно — достается французам, ведь об особенностях их